

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше

Елена Сергеевна Смышляева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
azumikato93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4065-3263>

Аннотация

В статье высказывается предположение, что истоки некоторых философских идей К. Леонтьева следует искать в философии А. Шопенгауэра. Раскрывается происхождение леонтьевской «деспотической идеи» и, вместе с тем, смысл понятия деспотизма, упоминание о котором в произведениях философа нередко приводило его исследователей в смущение. Выясняется место деспотической идеи в системе понятий Леонтьева: роль, которую оно играет в его теории органического развития, в учении о культурном своеобразии, а также в описании философом своего общественно-политического идеала. Прослеживается иное развитие шопенгауэровых идей в философии Ницше. Утрата метафизической основы приводит к тому, что деспотической становится не идея, а личность, наивысшее воплощение которой философ назвал сверхчеловеком.

Ключевые слова

Леонтьев, Ницше, Шопенгауэр, порабощительная ассимиляция, прогресс, деспотическая идея, византизм, деспотическая личность, сверхчеловек

Для цитирования

Смышляева Е. С. Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 52–62. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Despotic Idea and Despotic Personality: Two Variants of Despotism in the Philosophy of K. Leontiev and F. Nietzsche

Elena S. Smyshlyayeva

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

© Смышляева Е. С., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 52–62
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 52–62

azumikato93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4065-3263>

Abstract

The article suggests that the origins of some of Leontiev's philosophical ideas should be sought in the philosophy of A. Schopenhauer. It reveals the origin of Leontiev's "despotic idea" and, at the same time, the meaning of the term despotism, the mention of which in Leontiev's texts used to confuse his contemporaries. The article clarifies the place of despotic idea in Leontiev's conceptual system, its role in his theory of organic development, in his doctrine of cultural distinctness and in the philosopher's description of his social and political ideal. An original development of Schopenhauer's ideas in Nietzsche's philosophy is demonstrated. The loss of the metaphysical foundation leads to the fact that it is not the idea that becomes despotic, but the personality, whose highest embodiment the philosopher called the overman.

Keywords

Leontiev, Nietzsche, Schopenhauer, subduing assimilation, progress, despotic idea, Bysantinism, despotic personality, overman

For citation

Smyshlyaeva E. S. Despotic Idea and Despotic Personality: Two Variants of Despotism in the Philosophy of K. Leontiev and F. Nietzsche. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 52–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Константин Леонтьев – один из самых своеобразных мыслителей в истории философии. В наши дни его творчество относят к консервативному направлению русской мысли¹ – направлению, которое до сих пор остается малоизученным. И при жизни Леонтьева консервативные идеи не пользовались популярностью: в глазах философского сообщества он оставался одиноким, малоизвестным и малопонятным мыслителем. Поскольку, на первый взгляд, он не имеет ни предшественников, ни продолжателей, нелегко исследовать его творчество, не всегда удается отыскать источник той или иной его идеи.

Так, к примеру, знаток творчества Леонтьева Ю. П. Иваск в своем обширном труде «Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество» приводит такую цитату: «*Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет*» [Леонтьев, 2005, с. 383]² – и признается: «Откуда именно Леонтьев взял эти определения формы, мне установить не удалось, но едва ли он сам до них додумался» [Иваск, 1995, с. 201].

Вопрос действительно небезынтересный, ведь деспотическая идея, которая лежит в основе данного определения, используется Леонтьевым и в критике современных ему политических течений, и при формулировании собственного

---

¹ «Особое значение приобретает выявление общего и отличного в теоретических построениях "славянофилов" и "консерваторов-государственников". Представители последней группы, имея аналогичные со своими предшественниками взгляды на наличие самобытного пути развития России, более остро ставили вопрос о необходимости жёсткой государственной власти для противодействия политической, экономической и духовной экспансии Запада. Подобный культ государственности всегда отвергался славянофилами, выступавшими в большей мере как либеральные монархисты, чем как монархисты-охранители» [Репников, 1999, с. 5].

² Определение Леонтьев поясняет примерами: «Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи. Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно, при известных условиях, оставаясь само собою, кристаллизироваться призмами, другое октаэдрами и т. п. Иначе они не смеют, иначе они гибнут, разлагаются» [Леонтьев, 2005, с. 383].

политического идеала. Леонтьев в истории философии известен прежде всего концепцией триединого процесса развития, и в ней деспотическая идея также играет важную роль. «Всё вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне*, а потом ещё более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”» [Леонтьев, 2005, с. 379]. Закон, изначально обнаруженный в живой природе, приобретает универсальное значение: Леонтьев пишет, что триединый процесс свойствен не только органическому миру, но и «всему существующему в пространстве и времени» [Там же], так что любое явление от момента своего зарождения до гибели проходит три стадии: 1) первоначальной простоты; 2) цветущей сложности; 3) простоты вторичной [Там же]. Деспотическая идея обеспечивает явлению цветущую сложность; когда деспотизм её ослабевает, начинается разложение.

И государство, как всякое явление, должно иметь своим основанием особую деспотическую идею: «Государство есть... как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинувшись некоему таинственному, не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи» [Там же, с. 385]. Деспотическая идея, организующая русскую общественную жизнь, – византизм. Она складывается из нескольких частных идей: в государственной сфере – самодержавие, в религиозной – христианство восточного образца, в нравственной – уверенность в несовершенстве человека и разочарование в земном.

В то время, когда в свет вышла фундаментальная работа Леонтьева «Византизм и славянство», деспотизм указанной им идеи ослабевал. Либеральные реформы Александра II, как считал Леонтьев, толкнули российское общество на западный путь. Они пошатнули положение двух столпов русской жизни – дворянского и крестьянского сословий: неудачно проведенная отмена крепостного права упростила общественную структуру; появились учреждения на европейский манер – суды присяжных, земское самоуправление; с открытием светских земских школ ослабло церковное попечение над образованием. Православие и самодержавие вытеснялись сначала из идеологического пространства, а потом и из человеческих душ. В такое время всеобщего брожения задача философа, считал Леонтьев, – встать на сторону деспотической идеи, которая одна

и может обеспечить русской культуре самостоятельное развитие.

Богатый материал для философских обобщений Леонтьеву предоставили естественные науки: именно из них Леонтьев вывел свой триединый закон. Однако пристрастием философа к чтению естественно-научных трудов появление в его философском учении деспотической идеи объяснить не получается. На том же самом материале основывался и английский философ-позитивист Г. Спенсер, но в его концепции развития деспотическую идею мы не встретим. «Сущность всего прогресса... заключается в превращении однородного в разнородное» [Спенсер, 1999, с. 47] – многочисленными примерами Спенсер иллюстрирует свою основную мысль, находя их не только в биологии, но и в астрономии, геологии, истории искусств, языка, в социологии и вообще в любой части окружающей действительности. Леонтьев до определённого момента совпадает со

Спенсером; он вполне разделяет представление, что усложнение должно пониматься прежде всего как движение от однородности к неоднородности. Для Леонтьева развитие есть *«Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление... Постепенное усложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего»*. Однако дальше Леонтьев добавляет: *«...и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством»* [Леонтьев, 2005, с. 374].

Можно ли считать деспотическую идею простой особенностью вкуса Леонтьева, выражением часто приписывавшейся ему склонности к одобрению насилия и изуверств³? Или же она имеет глубокие корни в предшествующей философии? Где же, в чьей философской системе можно найти её истоки?

Современный исследователь творчества Леонтьева, А. П. Козырев, называет леонтьевскую теорию формы, в центре которой – власть деспотической идеи, аристотелевской [Козырев, 2015, с. 13]. Соединение в вещи формы и материи – это и правда по-аристотелевски. Однако материя, по Аристотелю, пассивна, она никуда не стремится сама по себе, соответственно, нет необходимости её насильственно удерживать. Поэтому другой исследователь, П. А. Сапронов, отвергает греческие корни деспотической идеи. Подробно проанализировав указанное понятие в учении Леонтьева и отметив его важность в целом, он приходит к выводу: *«Такого акцента именно на деспотизме и насильственности формы больше ни у кого не встретишь»* [Сапронов, 2008, с. 413]. Все же и с этим нельзя согласиться. Ведь стоит только заострить внимание на том, что о неодушевленных предметах Леонтьев говорит *«хочет», «смеет»*⁴, как на ум приходит другой философ. Философ, которого Леонтьев очень ценил и у которого картина мира как раз таки сплошь состоит из батальных сцен. Это, конечно, Артур Шопенгауэр.

В его масштабной философской системе нашлось место и для своеобразной теории развития, которую он противопоставил набиравшим тогда силу научным теориям. Здесь мы и встречаемся с деспотическими идеями. Хоть Шопенгауэр и утверждает, что под идеями в его сочинениях всегда подразумеваются платоновские эйдосы, легко заметить, что у него идеи выглядят совсем иначе, нежели у Платона. Они не просто мирно сосуществуют в занебесной области – они становятся зачинщиками борьбы, которая кипит в природе. Высшая идея захватывает низшие и встраивает в себя, то есть осуществляет в их отношении пора-

---

³ «Он не выносил умеренности и середины и дошел до самого крайнего изуверства, сделался проповедником насилия, гнета, кнута и виселицы» [Бердяев, 1995, с. 210]; «Под влиянием постоянной паники он взывал к насилию и реакции, которую сам же признавал бесплодной; она же внушала ему обскурантизм и крепостничество и вдохновляла самые отвратительные страницы его произведений» [Трубецкой, 1995, с. 153].

⁴ «...форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своего полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом» [Леонтьев, 2005, с. 383].

ботительную ассимиляцию. Такое вновь образованное сложное единство становится более совершенным воплощением воли⁵.

Будучи покоренными, но не уничтоженными, низшие идеи рвутся на свободу. Высшей идее всякий миг приходится преодолевать их противодействие. Например, кислота в желудке, кальций в костях – всё это идеи низших уровней, которые лишь вынужденно подчиняются высшей идее организма. Шопенгауэр повторяет вслед за Я. Бёме, что живые существа наполовину мертвы, ведь победа неорганических сил в них – лишь вопрос времени⁶. Разлагая сложное образование, низшие идеи, конечно, поступают «неразумно», ведь оно выражает и эти идеи тоже, причем на более высоком уровне. Но, по-видимому, им не избежать общего порока всех объективаций – их эгоизма, порожденного расщеплением единой воли в мире представлений. Каждая идея считает себя самодостаточным воплощением воли и не торопится сотрудничать с другими, её к этому приходится принуждать. Только так, удерживая разбегающиеся части крепкой рукой, воля может сделать шаг вперед.

Итак, шопенгауэровская концепция развития, в которой ключевую роль играли идеи, Леонтьеву очень подходила. Его политическая критика получала таким образом философскую основу. Опираясь на идеи великого предшественника, он мог со всей смелостью заключить: «...эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, как процесс разложения» [Леонтьев, 2005, с. 384].

Важно не только то, что у Леонтьева идеи были деспотическими, но и то, что деспотическими были именно идеи. Духовное содержание он поставил во главу угла и при рассмотрении современных ему политических движений руководствовался этим критерием: имеет политическое движение своей основой особую деспотическую идею или, напротив, борется с ней. В работе «Византизм и славянство» Леонтьев проводит мысль, что византизм может скрепить общество и способствовать его процветанию, а славизм не может, поскольку первый основан прежде всего на религиозной идее, а второй – на идее крови. Славизма как такового не существует, есть только славянство, совокупность славянских народов. Принадлежность к славянскому племени ещё не составляет деспотической идеи, могущей служить основой государственного и культурного строительства. Безыдейность племенной политики, по Леонтьеву, есть предпосылка разлития демократизма и дальнейшего всесмещения. Национализм, как ни странно, ведёт нацию к потере самобытности: борьба народа за политическую самостоятельность превращается в борьбу за европейские учреждения, консти-

---

⁵ «...объективирующая себя во всех идеях единая воля в своем стремлении к возможно более высокой объективации жертвует здесь низшими ступенями своего проявления после их борьбы, чтобы тем могущественнее проявиться на более высокой ступени» [Шопенгауэр, 1999, с. 135].

⁶ «...рано или поздно покоренные силы природы, пользуясь благоприятными условиями, отвыкают у изнуренного постоянным успехом организма отторгнутую от них материю и достигают беспрепятственного проявления своей сущности» [Шопенгауэр, 1999, с. 136].

туции и парламенты, то есть за перенесение на свою почву чужих форм политической и общественной жизни.

У Шопенгауэра был ещё один последователь, заимствовавший и творчески переработавший ряд положений его философии. Представления о том, что переход на более высокую ступень развития всегда связан с увеличением напряжения, с деспотизмом, с насилием, что воля стремится не только к познанию, но и к власти, нашли отражение в философии Фридриха Ницше. Вот только субъектом господства у Ницше становится не идея, а личность.

Сами идеи Ницше понимает как ещё одно средство установления личной власти, причём средство не самое благородное. Духовной властью пользуется тот, кто недостаточно силён, чтобы осуществлять свою власть напрямую, тот, кто не может победить в честном поединке и потому пытается воздействовать на ум и душу. Идея внедряется подобно вирусу в организм противника и нарушает естественный строй его инстинктов. Так, по Ницше, погибла Римская империя. «*Imperium Romanum...* это поразительнейшее творение в монументальном стиле... Организация была столь крепкой, что выносила и дурных императоров... Но она была недостаточно прочной, чтобы противостоять наихудшему виду порчи – христианину» [Ницше, 2009, с. 177]. Ницше противопоставляет римское дело и христианскую идею. Для него Рим – колоссальная стройка, истина вещей, инстинкт реальности ⁷; христианство – лишь дорога жреца к господству.

С помощью деспотической идеи христианские священники не только погубили Рим, но и перевернули с ног на голову уже европейскую историю Средних веков: привитое германцам, христианство заставило их направлять властные импульсы внутрь себя, породив тем самым феномен нечистой совести. Оно ловко находило слабые места даже у таких крепких и выносливых людей, не улучшая их, но укрощая, «цивилизуя». В результате духовное творчество остановилось на столетия; нынешний упадок европейской культуры – следствие многовекового насилия идеи над европейским человечеством.

Не вызывает удивления, что Ницше призывает отдельных одарённых личностей (*wohlgerathen*, тех, кто «хорошо получился») сбросить с себя иго христианства. Всё ещё идёт «растление душ понятиями вины, кары и бессмертия» [Ницше, 2009, с. 177]; христианство всё ещё сковывает природные силы высших людей, подчиняя ложной догме любви к ближнему. Поскольку Ницше изначально не считает деспотические идеи необходимым элементом общественного организма ⁸, то и расставание с ними не кажется ему катастрофой. Телесного и ду-

---

⁷ «Нечисть скрытно, неслышно подкрадывалась... к каждому, тянула его соки, отнимая серьёзный взгляд на истину вещей, отнимая инстинкт реальности: шайка трусливых, медоточивых и женоподобных разбойников постепенно, незаметно уводила с колоссальной стройки “души” самых ценных, мужественно-благородных людей, для которых цели Рима были делом всей их жизни, их пафоса, их гордости» [Ницше, 2009, с. 177].

⁸ Даже описывая образцовые, с его точки зрения, общества (Рим, Индия, Россия), Ницше не указывает их духовной основы. Остаётся неизвестным, на чём стояла Римская империя. В России, «единственной державе, у которой сегодня есть будущность» [Ницше, 2009, с. 87], Ницше усматривает волю, «инстинкт, императив, антилиберальный до ярости» [Там же] – этот инстинкт и не должен искать себе духовного выражения, ведь «инстинкт ослаблен, если он рационализируется» [Ницше, 2012, с. 411]. Индийское кастовое общество восхищает Ницше тем, что оно «освящает порядок

шевного здоровья должно быть достаточно для культурного строительства. У Ницше не найти ответа на вопрос, адресованный либералам Константином Леонтьевым: «Свобода! Освобождение!.. Но от чего и во имя чего? Во имя каких это новых созидających, т. е. *стеснительных*, принципов?» [Леонтьев, 2006, с. 8]. Ницше не допускает такой постановки вопроса: у него созидающий – человек,

и этот созидающий разбивает прежние скрижали и встаёт во весь рост, именно когда «нет более никаких общих формул» [Ницше, 2012, с. 201].

У Шопенгауэра явления служили воплощениями идей, у Ницше же остались одни явления. Саму идею деспотизма Ницше, несомненно, у Шопенгауэра почувствовал, но будучи противником всякого идеализма, он не мог смириться с тем, что это – деспотизм идей. Ему был нужен другой деспотизм, деспотизм непосредственный, произвольный, а не опосредованный идеями и в конечном счете всего лишь умопостижимый. Даже его сверхчеловек не выражает никакой деспотической идеи; это деспотическая личность, сущность которой, по смыслу выбранного слова, заключается в превосходстве над другими. Ему не обеспечена вечность в мире идей; у него другая вечность – вечность целого мира, вечное возвращение того же самого.

Леонтьев оказался более прилежным учеником Шопенгауэра. Деспотизм идеи он лишь перенес с мирового уровня на цивилизационный. Его объединенные под властью деспотической идеи явления – это целые цивилизации, самобытные культурные миры.

Список литературы

- Бердяев Н. А.** К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 208–234.
- Иваск Ю. П.** Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 2. С. 229–650.
- Козырев А. П.** Разбиватель стекол // Самопознание. 2015. № 3. С. 10–14.
- Леонтьев К. Н.** Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7, кн. 1. С. 300–443.
- Леонтьев К. Н.** Передовые статьи «Варшавского дневника» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 7, кн. 2. С. 7–108.
- Ницше Ф.** Антихристианин // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 107–185.
- Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 9–227.
- Ницше Ф.** Случай «Вагнер» // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 383–422.

природы, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь "современная идея"» [Ницше, 2009, с. 174].

- Ницше Ф.** Сумерки идолов // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 9–107.
- Репников А. В.** Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ, 1999.
- Сапронов П. А.** Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008.
- Спенсер Г.** Прогресс, его закон и причина // Опыты научные, политические и философские: В 3 т. Минск: Совр. литератор, 1999. Т. 1. С. 22–72.
- Трубецкой С. Н.** Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 123–159.
- Шопенгауэр А.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Республика, 1999. Т. 1. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum. In: Digitale Kritische Gesamtausgabe. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/AC> (accessed 01.10.2021).

References

- Berdyayev N. A. K.** Leontiev – filosof reakcionnoj romantiki [K. Leontiev is a philosopher of reactionary romanticism]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 1, pp. 208–234. (in Russ.)
- Ivask Yu. P.** Konstantin Leontiev (1831–1891). Zhizn' i tvorchestvo [Konstantin Leontiev (1831–1891). Life and work]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 2, pp. 229–650. (in Russ.)
- Kozyrev A. P.** Razbivatel' stekol [The glassbreaker]. *Samopoznanie*, 2015, no. 3, pp. 10–14. (in Russ.)
- Leontiev K. N.** Peredovye stat'i "Varshavskogo dnevnika" [Leading articles of the Warsaw Diary]. In: Leontiev K. N. Complete set of works. In 12 vols. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2005, vol. 7, book 2, pp. 7–108. (in Russ.)
- Leontiev K. N.** Vizantizm i Slavjanstvo [Byzantinism and Slavism]. In: Leontiev K. N. Complete set of works. In 12 vols. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2005, vol. 7, book 1, pp. 300–443. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Antihristianin [The Antichrist]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, vol. 6, pp. 107–185. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Po tu storonu dobra i zla [Beyond Good and Evil]. In: Nietzsche F. Complete set of works. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5, pp. 9–227. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Sluchaj «Vagner» [The Wagner Case]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5, pp. 383–422. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Sumerki idolov [Twilight of the Idols]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, vol. 6, pp. 9–107. (in Russ.)

- Nietzsche F.** Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum. In: Digitale Kritische Gesamtausgabe. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/AC> (accessed 01.10.2021).
- Repnikov A. V.** Konservativnaja koncepcija rossijskoj gosudarstvennosti [The conservative conception of Russian statehood]. Moscow, Signal, 1999. (in Russ.)
- Sapronov P. A.** Russkaja filosofija. Problema svoeobrazija i osnovnye linii razvitija [Russian philosophy. The problem of originality and the main lines of development]. St. Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 2008. (in Russ.)
- Schopenhauer A.** Set of works. In 6 vols. Moscow, Respublika, 1999, vol. 1.
- Spenser G.** Progress, ego zakon i pricina [Progress: Its Law and Cause]. In: Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Essays: Scientific, Political, and Speculative]. In 3 vols. Minsk, Sovremennyj literator, 1999, vol. 1, pp. 22-72. (in Russ.)
- Trubetskoy S. N.** Razocharovannyj slavjanofil [The disappointed slavophile]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 1, pp. 123–159. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Сергеевна Смышляева, аспирантка
кафедры истории зарубежной философии, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Information about the Author

Elena S. Smyshlyaeva, postgraduate
Department of History of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 17.11.2021;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 17.11.2021;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*